

вёсленнин сълтавё пирки вулакан чылай кяткас ыйтусем каларса таратнй пулеччё. Мёншён тесен сюжетан чи хёрсе ситнё ёс-пулямён умёнхи аталанавён тата тевёленёвён сълтавё паллй мар-ске. Тёслёхрен, Ванюкпа Елюк вёрсй пусланиччен мёнле пуранны-ши? Кам вал Стаппан? тата ыт.те. Сакан пек аталануллй сюжетлй хайлавён сюжет элеменчёсене яланах уйёрса палартатпёр тата тишке-ретпёр. Енчен те драма аталанусёр пулсан унён сюжетне пачах та тишкерместпёр.

Н.Н. Осипов

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ОЧЕРКОВ Л. АГАКОВА

Наиболее активной житейской формой чувашской прозы является очерк. Являясь жанром «быстрого реагирования» [1, 57], он имеет особо тесные связи с современностью. Острейшая необходимость в немедленном отклике на животрепещущие вопросы времени – вот то, что заставляет писателей уделять свое внимание очерку.

Чувашский художественный очерк получил особенно широкое развитие во второй половине XX века. Откликаясь на требования времени, очерки писали не только прозаики, но и поэты и драматурги. Всерьез обратился к этому жанру еще в довоенный период Агаков. Вышедшие в этот период очерковые произведения свидетельствовали об умении автора с новых позиций, через новые жанровые формы успешно решать поставленные временем задачи осмысления бурных процессов в жизни общества. Обращение к прозе через очерк, как подтвердилось впоследствии, нашло свое плодотворное творческое продолжение в творчестве Агакова-прозаика.

С начала 30-х годов XX в. в периодической печати Чувашии начинают выходить отдельные очерковые произведения писателя, которые затем составят первую книгу очерков «Волонтёр коммуан пурнйсё» [«Жизнь коммуны «Волонтер»]. Выход этих художественно-документальных произведений совпал с характерным для чувашской литературы процессом активного показа простого человека, рабочего или крестьянина. Художественно-документальные произведения Л.Агакова, достойно продолжающие лучшие традиции чувашских очеркистов В.Митты, И. Смирнова-Тубаха, А. Федорова, В. Дмитриева, Х.Уяра, были замечены и тепло встречены литературной общественностью. Л.Агаков, будучи активным журналистом, откликающимся на все новое, конечно, оказался в центре наметившихся тенденций аналитического подхода к художественному исследованию действительности и стал активным участником этом процессе.

Его творческое наследие как очеркиста, к сожалению, не привлекло большого внимания литературоведов и критиков и осталось почти неизученным. Об этом, в частности, свидетельствуют работы такого литературоведа, как Г.В. Краснов, который в своей работе «Типология художественного очерка в чувашской литературе 20-30-х годов XX века» (2003) лишь констатировал наличие

этого жанра в творчестве Л.Я. Агакова. А литературовед Г. Я. Хлебников в книге «Современная чувашская литература», анализируя процесс развития чувашской прозы, драматургии и поэзии в период 1955-1970 гг., вообще не упоминает об Агакове-очеркисте, остановившись лишь на его повестях.

Роль художественно-документальных жанров Л.Агакова в формировании чувашской литературы отмечается в книге Г.И. Федорова «Чувашская литература 1945-1985 гг.» [2, 171-172], а также в книге Н.С. Дедушкина «Писатель-солдат» уделяется немало внимания очерковому творчеству Л.Я. Агакова. Но здесь он акцентирует свое внимание только на военных очерках писателя.

В 1940-1950-е годы Л. Я.Агаков довольно успешно осваивает большинство разновидностей этого жанра: путевой очерк, проблемный, портретный, военный и т.д. В творческой эволюции писателя очерк является неким связующим звеном между журналистикой и его литературно-художественной деятельностью, не теряя при этом и самостоятельной жанровой специфики. В итоге Л.Я. Агаков стал творчески богаче, поскольку и то, и другое помогло оттачивать художественное мастерство писателя, усилило внимание к современности, к насущным проблемам бытия, к внутреннему миру героев и их социальной значимости. Смеем предположить, что именно очерки и другие произведения малого жанра прозаика такие, как фельетон, рассказ и новелла, стали тем строительным материалом, на основе которого художник создал свои первые сюжетные произведения: повести «Однажды весной», «Партизан Мурат», «Золотая цепочка» и т.д. Связь очерков и фельетонов Агакова с его рассказами и повестями очевидна. Многие герои, ситуация, формы и приемы, приведенные в очерках и фельетонах встречаются в рассказах и повестях, но уже в новом, доработанном виде.

В современном литературоведении жанровые признаки очерка трактуются неоднозначно. Некоторые исследователи считают обязательным признаком очерка документальность. Однако большинство склоняется к мнению, что очерк может и не иметь документальной основы (на это указывает опыт классической литературы в лице И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина), и именно такие точки зрения отражены в энциклопедических изданиях. Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» говорится о большом познавательном разнообразии очеркового жанра, о том, что очерк может принадлежать как литературе, так и публицистике. Здесь выделяются и разновидности жанра: собственно художественные очерки, очерки по преимуществу публицистические и документальные очерки [3, 263-264].

А.М. Горький, говоря о значимости этого жанра, писал, что «для познания страны хорошо и усердно служит очерк. Он находит себе место в газете, в журнале, в сборнике, книги очерков расходятся в многотысячных тиражах, необъятно расширяя поле нашего зрения» [4, Т. 23. С. 38]. Очерк обладает своим сюжетом, иным по своему характеру, нежели традиционный беллетристический сюжет. В очерке развитие сюжета определяется развитием определенной идеи – концепции. Вот что пишет по этому поводу В.Канторович: «Очерк, чтобы стать подлинно художественным произведением, должен иметь центральную идею, центральный образ, подымающийся под материалом очерка. Очерк должен

пропагандировать ценностную концепцию, объясняющую связь между событиями. Фактами, описываемыми в очерке, и общими основами мировоззрения. Такая идея, такой образ является организатором материала» [5, 148]. Следует согласиться с мнением исследователя Г.А. Абрамовича, утверждавшего, что очерковый сюжет строится на иной (в отличие от рассказа) основе: «... не на взаимоотношениях людей, а на раскрытии фактов» [6, 78]. Е.И. Журбина также отмечала, что «сюжет в очерке, опираясь на факты, всегда преподносится как размышления автора о делах, людях, что и придает ему особый характер» [7, 142].

Своеобразна и композиция очерка. По мнению Е.И. Журбиной, «значение композиции в очерке усиливается и выступает на первый план, когда очеркист использует свое право во имя поднятой под повествованием идеи выхватить из разных рядов и ставить в один факты и образы, не мотивируя их встречу ничем иным, кроме родства по проблеме... В очерке нет традиционной завязки и развязки» [7, 142]. Достаточно подробно охарактеризованы особенности композиции очерка во многих исследованиях. Концепция И.Г. Рыбинцева, по нашему мнению, заслуживает особого внимания, согласно которой композиция очерка подразделяется на 1) сюжетную, характерную для биографического очерка, 2) сюжетно-ассоциативную (проблемную), 3) ассоциативную (путевую, лирическую) [8, 105].

Период становления первого серьезного документального очерка в творчестве Л.Я. Агакова совпал с периодом социалистического обновления деревни. В жанре художественно-документального очерка чувашской литературы мы встречаем типологически «повторяющуюся» тему колхозного строительства, разрушения старой жизни и создания новой. Тема эта становилась глобальной, вмещающей в себя и вопросы формирования новой коллективной жизни, обычаев, нравов старых и спешащего войти в жизнь новую. Принцип художественного противопоставления, сталкивающий старое с новым (где новое, конечно же, побеждает) определяет не только проблемно-тематическое содержание произведений, но и их сюжетно-композиционные принципы изображения. Писатели обращались к материалам и фактам, которые давала повседневная жизнь. Поэтому первые литературные герои – это по существу очерковые фотографии реальных людей, которые жили и творили рядом с писателями. Писатели вводили их в произведения не только с их реальными фамилиями и биографиями, но и с подробным описанием их трудовой деятельности. Таким является очерк «Жизнь коммуны «Волонтер», написанный автором в 1930 году и изданный в отдельной книге тиражом в 10000 экземпляров. Это первая книга будущего народного писателя, в которой нашли отражение глубокие социально-экономические преобразования в чувашской деревне.

Главной особенностью очерка периода коллективизации и индустриализации была описательность, которая характеризовалась изображением статических моментов. При доминировании описательности сюжет ослаблен, отсутствует психологизм. Эти свойства художественной формы начинают играть вспомогательную роль. Автором раскрываются актуальные проблемы, стоящие перед страной в период коллективизации деревни, а именно: проблемы созда-

ния колхоза в одном из сел Вурнарского района Чувашской Республики и трудности его становления.

Композиционно очерк делится на несколько маленьких частей: в первой делается экскурс в недавнее прошлое, когда еще начали создаваться коллективные хозяйства. Для этого в село приехал рабочий из завода Красное Сормово Капитонов и создал рабочую артель. Но артель не смогла долго просуществовать: препятствовали кулаки, они ненавидели коллективные хозяйства и всячески пытались мешать им своими грязными делами. В другой части автор описывает, как упорно и мужественно борются Капитонов (председатель артели) и его сподвижники с кулаками, строят дома и фермы для артельного скота, как закупают технику и т.д. Здесь же очеркист показывает через сравнение поля и фермы артельщиков и отдельных крестьян, так называемых инхозов. Тут писатель приводит целую галерею цифр, связанных с результатами труда сельчан, наглядно показывает преимущество новой власти. В последующих частях автор приводит лучшие стороны коллективной жизни. События, о которых повествует автор, хорошо ему известны, он в них участвовал не один раз и знакомился с достижениями коммуны. Действующие лица – люди, знакомые писателю. Главные достоинства очерка – актуальность темы, пафос утверждения нового в духе жестких требований общеобразовательной нормативной эстетики того времени.

В данном очерке, как и во многих других произведениях, Агаков умело использует пейзаж. Картины природы, а именно золотые нивы коллективного хозяйства – не только средство оживления повествования, но и один из приемов выражения отношения автора к действительности и характеристике персонажей.

Чувашские преобразованные деревни, ставшие коллективными, изображаются в идеализированных ярких красках («Ровное место. С трех сторон лес. Слева железная дорога, чуть справа, со стороны леса, по порядку расположены и красиво виднеются с низменности дома Волонтеров. В деревне открываются маслобойный завод, школа, библиотека. Начинает вещать радио» [9, 7].

Как мы уже отмечали, для того чтобы показать преимущество коллективного хозяйства, автор пользуется таким композиционным приемом, как противопоставление, основанное на антитезе конкретных образов. С одной стороны активисты колхоза, с другой – группа кулаков, тех, кто не принимает новой жизни: «...все равно уничтожим!» [9, 5]. Л.Агаков в этом очерке акцентирует свое внимание на том, что в коллективе сила, и только объединившись в одно целое, человек может достичь намеченного.

Такая же структура свойственна для очерка Т. Раптанова «Знамя Октября» (1933). В нем Мордовский очеркист рассказывает об организации колхоза «Коминтерн». Можно провести параллель между героями Т. Раптанова и Л. Агакова. Оба писателя рисуют сложную и трудную работу в организации первых коллективных хозяйств. Т. Раптанов выразительными штрихами рисует потрясающую картину разорения крестьянства, его политическое бесправие. Л. Агаков же находит что-то необикновенное, порою героическое в деле организации

колхоза «Волонтер». Оба автора умело используют пейзаж. Мордовская и чувашская деревни, ставшие колхозными, изображаются в идеализированных ярких красках. Конечно, и Л. Агаков, и Т. Раптанов выдают желаемое за действительное. Но ощущение такое, что делают это вполне искренно, верят в то, о чем пишут.

Предметом изображения в очерке «Стройка паттърёсем» [«Богатыри стройки»] стала одна из крупнейших строек 30-х годов XX века, на которой побывал автор, – это возведение автозавода в Нижнем Новгороде. Ощущение стремительности строительства корпусов автозавода передается через насыщенность событийной части очерка при сжатости временных рамок повествования. Внутренняя напряженность очерка достигается главным образом за счет лексических и стилистических возможностей языка, важнейшим из которых являются эпитеты, сравнения, повторы, восклицания: «...глотал завод разные железные инструменты, Автострой это фронт, фронт социалистической стройки... строители борются очень успешно» [10,12], и многое другое.

В этом очерке автор рассказывает, какими быстрыми темпами был построен Нижегородский автомобильный завод, какова роль ударных бригад в строительстве гиганта. Благодаря стараниям строителей завод был сдан в эксплуатацию раньше срока на 2 месяца, по плану он должен был быть построен за 15 месяцев, и первый автомобиль из конвейера должен был выйти 1 августа 1931 года. В целом это не так уж далеко от правды, т.е. образность Агакова идет от самой действительности. Многие стройки периода индустриализации возводились штурмовым методом в кратчайшие сроки. В этом очерке проявилась характерная для многих произведений Л.Агакова особенность: писатель провозглашал мысль о том, что чувашский народ живет в единстве со всеми другими народами. Эта мысль находила выражение в соответствующих сюжетных движениях. Один из героев очерка Сорокин – кавказец. Как и его друзья, он стал учеником стройки века. Сопричастность общему делу, единение народов выражены в очерке следующей фразой: «Татары, русские, чуваша, марийцы, мордва – все едины. Одна семья. Один кулак. В коммуне нет границ. Коммуна кипит весельем. Основная цель коммуны – закончить строительство автозавода раньше назначенного срока – не 15 месяцев, а 13!» [10, 7]. В очерке автор уделяет большое место показу трудовой массы, которая, приобщившись к коллективному труду, постепенно перерождается в сознательную рабочую силу и с энтузиазмом трудится на благо Родины. Л.Агаков изображает две бригады, которые устраивают соревнования на строительстве при погрузке и выгрузке ценного материала для поднятия цехов. Бригады Переходников и Сорокин собирают вокруг себя трудолюбивых, честных и храбрых людей, устанавливают сроки и время выполнения работ и всегда заканчивают работу раньше намеченного срока и с перевыполнением плана.

Рабочим иногда приходилось работать и сверхурочно. Один раз строители после работы пошли в кинотеатр. Бригадир Переходников остался на гавани, он проверял, нет ли опасности, потому что лил дождь, и гавань могла уйти под воду со всеми строительными материалами, прибывшими к вечеру. Гавань в

опасности, надо немедленно выгружать материал. Он пытался связаться с начальством, но не получилось. Тогда он сразу пошел в кинотеатр и попросил механика выключить аппарат и, встав на табуретку перед зрителем на табуретку сказал: «— Товарищи! Гавань в опасности! Вода прибывает! Надо спасти гавань! Ребята, пойдем на штурм?»

— Штурмуем, — ответили ребята. Ударники не любят много говорить. В течение 10 минут все подготовились идти на штурм. С песней уверенно зашагали к гавани» [10, 7]. Рисуя эту сцену, автор показывает, что это типичная для современной действительности ситуация. Очерк пестрит цифрами, иллюстрациями фотографий героев и подлинными фамилиями. План, цифры, сроки, бригады — все характеризует время индустриализации. Перед нами типичный для 30-х годов производственный очерк. Указание конкретных дат, которые являются важными вехами в строительстве, придает очерку документальность и является своего рода репортажем с места событий.

В очерковой прозе 50-60 гг. Л. Агакова особое развитие получает такой вид, как литературный портрет. В краткой литературной энциклопедии литературный портрет характеризуется таким образом: «Литературный портрет — документальный очерк о писателе, художнике, выдающемся общественном деятеле и т.д., созданный на основе собеседования с «героем», или краткий мемуарный очерк о таком герое». [11, 895] С нашей точки зрения, литературный портрет обозначает особый способ эстетического познания человека и характеризует специфику этого познания. К литературному портрету можно отнести очерки Л. Агакова «Салтак чухнех туслашрăмăр» [«Подружились солдатами»], «Пуля сиччен сьрнă сăвă» [«Стихотворение о пуле»], вошедшие в книгу «Солдаты» (1975), «Халăх тусĕ тухтăр» [«Доктор — друг народа»], вошедший в книгу «О людях хороших» (1961), «Сĕр те ситмĕл роль» [«Сто и семьдесят ролей»], «Энтузиасты» (1958) и другие. Л. Агаков, ощущая внутреннее духовное родство, обращается именно к воссозданию образов собратьев по перу, поэтов и писателей. Очерки о поэтах-писателях, артистах пронизаны особым меризмом, некоторой романтизацией образов героев. Это придает очеркам добавочную эмоциональную выразительность. Продолжая очерки о выдающихся людях чувашской литературы и искусства, Л. Агаков в 70-е годы написал очерки «Пуля сиччен сьрнă сăвă» («Стихотворение о пуле») и «Салтак чухнех туслашрăмăр» («Подружились с солдатами»), которые знакомят нас с поэтом П. Хузангаем и А. Алгой. Важное место в процессе воссоздания прошлого всегда занимают люди, с которыми писателю приходилось встречаться на протяжении долгих лет его жизни. Далекие и близкие, они возвращаются к нему, чтобы поведать о минувшем и пережитом. Живой человеческий образ способен иногда рассказать о той или иной эпохе больше, чем факты. Реальная фигура воскрешает целый мир человеческих отношений, колорит времени, незабываемые события. Поэтому неудивительно, что в творчестве Л. Агакова «встречи с современниками» оставили зримые следы — обширную галерею литературных портретов, поражающих нас не только богатством жизненных наблюдений, но и глубиной раскрытия характеров. Трудно бывает подчас разобраться в творчестве того или иного писателя, поэта, артиста, не зная о

нем как о человеке, не представляя его себе как неповторимую индивидуальность. В литературных портретах Л. Агакова все эти ничем незаменимые сведения мы и находим, которые, подобно портретам в живописи, запечатлевают лики былого. Автор полностью пытается передать контуры характера человека, наметить пунктиром наиболее запомнившиеся ему черты его личности. Вместе с тем, вспоминая о современнике, писатель размышляет о нем, старается понять его внутреннюю сущность, смысл его творческой деятельности. Примером этому служит очерк «Пуля сиччен сырнӑ сӑвӑ» («Стихотворение о пуле»), который вошел в сборник «Солдаты» (1975), посвященный Петру Петровичу Хузангаю (1907-1970). О его жизни и творчестве вышло множество статей, написанных еще раньше Агакова. Однако Агаков полнее показывает нам характер П.П. Хузангая, раскрывает сокровенные мысли поэта.

Интересна композиция очерка. Произведение открывается рассказом о том, как уже несколько дней автор очерка находится в военном госпитале. И здесь к нему неожиданно приходит народный поэт Чувашии Петр Хузангай. И далее автор рассказывает, как они встретились впервые, три года назад, и описывает этот эпизод. Отсюда мы видим, каким человеком был поэт. Как он читал при встрече со школьниками свои стихотворения, мечтал о хорошей жизни и как приняли его стихи ученики. Здесь же автор показывает героя через повествование, как создавались его выдающиеся произведения, затем вкратце рассказывает о жизни своего друга. Агаков немногословно, но исчерпывающе говорит о достоинствах произведений Хузангая, называя их поименно. На второй встрече Хузангай преподнес автору стихотворение, посвященное ему. Агаков приводит его в очерке. Но это стихотворение посвящено не только автору очерка, но и всему советскому народу, будущей победе в Великой Отечественной войне.

Агаков акцентирует свое внимание на жизни и творчестве П.П. Хузангая в период Великой Отечественной войны. Он более жирными пунктами выделяет творчество поэта периода войны. Писатель дает понять, какова была роль художественной литературы в победе над немецкими фашистами. «П. Хузангай создал немало высокохудожественных публицистических произведений. Среди них особо отметим сборник стихотворений «Тупа» («Клятва») (1942, Чебоксары) и много поэм на тему войны», - отмечает Агаков [12, 15]. Несмотря на то, что герой очерка воевал на фронте, он не перестал писать, на страницах республиканских газет и журналов периодически печатались его стихотворения.

Временное пространство в очерке включает в себя две доминанты: прошлое и настоящее. Прошлое дано через воспоминания автора о встречах с Петром Петровичем, настоящее представлено описанием его жизни после войны. Две грани попеременно сменяют друг друга таким образом, что описание постоянно дано на фоне прошлого, и это усиливает динамизм повествования. Очеркист удачно решает основную задачу – художественно воссоздает образ человека, прошедшего через все тяготы войны. Заканчивая свой очерк, автор говорит о вкладе П.П. Хузангая как большого художника и просто замечательного человека в чувашской литературе. Агаков понимает, что такие люди, как П.П. Хузангай, обогащают нравственную основу общества, являются носите-

лями и двигателями его культурного и интеллектуального потенциала. В сравнительно небольшом по объему очерке автору удалось вместить огромный материал, которого хватило бы для романа или большой повести. Очеркист здесь умело использовал возможности и специфику жанра. Образ современника раскрывается на широком историческом фоне с упоминанием конкретных событий, фактов и реальных лиц.

Особое место среди очерков Л. Агакова занимает очерк «Тăватă çул юппинче» [«Узел четырех дорог»], опубликованный в 1947 году отдельной книгой под одноименным названием, и посвященный городу Канаш и строительству первой в Чувашии железнодорожной станции. Героями представленной книги стали люди, оставившие в истории города Канаша и в строительстве Канашской железнодорожной станции заметный след. Это строители Н.С. Степанов, литейщики, маневревщики, машинисты - люди творческие, разносторонние, обладающие богатым внутренним миром. Помещая в центре своего очерка человеческую личность, автор делает доминантой не факт, не событие, а образ, характер и через этот характер раскрывает всю идею повествования. Агаков не только стремится донести до читателя полезность, необходимость строительства железных дорог, но и призывает людей к объединению. Рассказывая о строительстве железной дороги, которая, таким образом, кроме прямого обозначения дороги, является символом новой жизни, символом будущего, Агаков стремится вызвать у читателей чувство обязанности и показывает, что все возможно лишь тогда, когда все будут идти вместе. В этом стремлении к единению и заключается агитационно-публицистический пафос произведения.

Таким образом, идея важности и необходимости постройки железных дорог и объединения народа в общем деле является основополагающей в очерке. Символический образ дороги можно рассматривать и более широко: писатель выходит к философскому осмыслению пути человека в жизни. Многие люди, связывая свою судьбу с Канашом, с железной дорогой, нашли свое счастье, свое место в жизни, в обществе и т.д., а самое главное, они осознали свою полезность и необходимость в этой жизни.

Труд во имя благородной цели становится источником героического подвига, средством нравственного перерождения человека. Эти производственные очерки были эмоционально-приподнятыми, героико-романтическими. Объясняется этот пафос времени тем, что в обществе преобладало «энтузиастическое общественное мнение» [13, 77] и для многих людей было характерно «ощущение своего исторического значения» [14, 18].

Л. Агакову и другим его соотечественникам очеркистам как «С. Шыпчыку и А. Талвиру через своих героев удалось художественно верно выразить существенные стороны жизни в эпоху первых пятилеток, когда народный энтузиазм явился одним из мощных факторов, способствовавших молодой стране за короткий промежуток времени высоко поднять темпы промышленного производства» [15, 140]. Они сумели также показать рождение новых черт в характере своих героев: чувство коллективизма, личной ответственности за успех производства. Дух коллективизма, трудовой энтузиазм рабочих также характерны для очерков чувашских очеркистов М. Еника, А. Лискова, Хв. Ситты, М. Уйпа,

М. Данилова-Чалдуна, удмуртских писателей И. Гаврилова, Т. Архипова, Г. Красильникова, В. Широбокова, С. Самсонова, мордовских прозаиков И. Антонова, М. Сайгина, И. Афонина, И. Девина, И. Кишнякова, башкирских художников Н. Гаитбаева, Х. Гиляжева и татарских писателей очеркистов Фатыха Амирхана, И. Нуруллина, Н. Валиева и т.п. Хотя некоторые из этих писателей еще не умели всегда художественно убедительно раскрыть истоки энтузиазма людей того времени, создать полнокровные образы тружеников, их произведения подкупают публицистической страстностью и агитативно-пропагандистской направленностью. Они помогали мобилизации сельских тружеников краев на строительство крупнейших промышленных объектов первой пятилетки.

Следует заметить, что в некоторых очерках Л. Агаков излишне увлекался детальным описанием производственно-технических процессов, забывая о людях. Это особенно характерно для очерка «Богатыри стройки» где очеркист прежде всего замечает на предприятии не людей, а сырье и технику: высокие штабели досок, вагонетки, гравмасса, щебень, песок, цемент и т.п. Такую картину можно заметить и в очерках А. Лискова «Гудит чугуна», Метри Васлея «Надежные опоры» и т.д. И все же авторы таких очерков, хотя и увлекались изображением производственной технологии, делали нужное дело, так как в ту пору это было новым явлением и вызывало интерес читателя. Во многих портретных очерках Л. Агакова приводятся биографические данные героев, рассказывается о трудовых успехах. Многие очерки страдали одним и тем же недостатком: поверхностным раскрытием духовного мира героев, односторонним показом их жизни – перечислением фактов их трудовой биографии. Тем не менее они, как и предыдущие произведения подопного рода, представляли информационную и агитационно-пропагандистскую ценность для широкого круга чувашских читателей того времени.

Литература

1. *Ставский В.С.* Об очерке и очеркостике // На литературном посту. 1931. – № 4. – С. 52-53.
2. *Федоров Г.И.* Художественный мир чувашской прозы 1950-1985-х годов. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-та гуман. наук, 1996. – 306 с.
3. *Литературный энциклопедический словарь* [Под ред. А.А. Суркова]: – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.
4. *Введение в литературоведение* // под ред. Г.Н. Поспелова. – М.: Высшая школа, 1988. – 537 с.
5. *Кантарович В.Я.* Заметки писателя о современном очерке. – М.: Советский писатель, 1973. – 543с.
6. *Абрамович Г.А.* Введение в литературоведение. – М.: Просвещение. 1979. – 352 с.
7. *Журбина Е.И.* Искусство очерка. – М.: Советский писатель, 1957. – 284 с.
8. *Рыбинцев И.Г.* Советский художественный очерк: Проблема теории и мастерства жанра. – Киев; Одесса, Высш. шк., 1979. – 187 с.
9. *Агаков Л.Я.* «Волонтер» коммунал пурнаҗё: [Жизнь коммуны «Волонтер»] Очерк. – Чебоксары Чуваш. кн. изд-во, 1930. – 16 с.
10. *Агаков Л.Я.* Стройка паттарёсем: [Богатыри стройки]: Очерки // Сунтал. – 1930. – № 12. – С. 12-15.
11. *Краткая литературная энциклопедия.* Т. 1. – М.: Советский писатель, 1971.